

АННА
ЖНЕЦ

В ПЛЕНУ.
ПОСЛЕ.
ФАЙ

18+

Анна Жнец

**В плену. И после.
История одного эльфа**

«Автор»

2022

Жнец А.

В плену. И после. История одного эльфа / А. Жнец — «Автор», 2022

Он пережил плен и надругательство и смог вернуться домой только благодаря мыслям о любимой женщине. И вот он здесь, в королевстве эльфов, грязный и обещенный, скрывающий свою постыдную тайну. Дело идет к свадьбе. Но что, если накануне о его позоре становится известно всем? Что, если единственная, кто не отвернется от него, - чужестранка, бывший враг, странная, несносная, столь непохожая на женщин его расы? Сможет ли она исцелить раненую душу эльфа? Вернуть ему интерес к чувственным удовольствиям после ужасного опыта в плену? История второстепенного героя из романа "Спасти эльфа". МОЖНО ЧИТАТЬ ОТДЕЛЬНО.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анна Жнец

В плену. И после. История одного эльфа

Глава 1

Плен – что может быть хуже?

«Многое», – понял Фай, когда чужая ладонь с размаху шлепнула его по ягодице.

– Поторапливайтесь! – Одна из боевых ведьм, разбивших их маленький диверсионный отряд, подтолкнула его в спину.

Звук шлепка до сих пор стоял в ушах. Лицо горело от унижения: спутники эльфа видела, как его ударили по заднице. Они видели! Какой позор!

Теперь, если случится чудо и им удастся сбежать, он все равно будет считаться...

Даже мысленно Фай не мог заставить себя произнести это слово.

... обещанным.

Да, обещанным.

Только что своим интимным прикосновением проклятая дикарка нанесла репутации эльфа непоправимый ущерб.

Фай опустил голову и больше не отрывал взгляда от земли, боясь заметить на лицах товарищей презрение и брезгливую жалость.

Шаг. Еще шаг.

Руки были связаны за спиной. До крови стянуты зачарованными веревками. Под ногами с шелестом сминалась низкая трава, над головой шумели на ветру вековые сосны.

– Не трогай его.

Каждый раз, когда рядом раздавался грубый голос одной из дикарок, Фай с трудом сдерживал дрожь. Даже с мечом в руке он был незащищен перед магией врага, а уж такой, связанный, обезвреженный, – тем более. Эти ведьмы могли сделать с ним все, что угодно. Множество слухов ходило о жителях Сумеречных земель. Об их невероятной жестокости, о безобразной распушенности, о постоянной жажде плотских удовольствий.

Что, если...

Не думай! Не представляй!

– Не трогать? Почему нет? – Ведьма, шлепнувшая Фая по заднице, приобняла эльфа за плечи назло той, что попыталась его защитить. – Они наши пленники. Захочу – отымею любого вон в тех кустах.

Кровь ударила в голову. Первым порывом было отшатнуться, уйти от неприятных прикосновений, но слова дикарки заставили Фая замереть – так замирает зверь в предчувствии опасности.

– Не можешь. Ни в тех кустах, ни в этих, ни в каких. Первой себе любовника на ночь выбирает эйхарри. И ей точно не понравится, если мы подсуем ей попользованную добычу.

Рука с плеча Фая исчезла, но он так и продолжил стоять истуканом под шумящими деревьями. Оглушенный. Неспособный осознать и принять услышанное.

Первой себе любовника на ночь выбирает эйхарри.

Любовника.

Теперь шлепок по заднице казался ему мелочью. На горизонте замаячила угроза куда более ужасная. Насилие хуже смерти. Если над ним надругаются, это будет конец всему. Всему! Законы эльфийского народа строги и безжалостны, традиции не допускают исключений: мужчины и женщины, потерявшие честь, становятся изгоями, а изгой никогда не найдет себе пару,

не заведет семью, не родит детей. После насилия у эльфа одна дорога – в Кипящие болота. Не захочешь сам – заставят.

Его снова толкнули между лопаток, и он сдвинулся с места, пошел вперед, незряче уставившись перед собой и даже не осознавая, как передвигает ватные ноги.

Эллианна. Он думал об изящной златовласой красавице, оставшейся дома, в «Воль'а'мире». О своей возлюбленной, чистой и непорочной, которую из-за строгих нравов своего народа даже ни разу не подержал за руку.

Эллианна. Эллианна. Если он вернется в Троелевство эльфов опозоренным, униженным, любимая отвернется от него с брезгливым выражением на прекрасном лице. В ее огромных голубых, как небо, глазах он прочтет осуждение, упрек: «Почему ты это допустил? Почему не остановил их и позволил сотворить с собой такое?»

Почему? Почему?

Да потому что меч против магии бесполезен!

Они это поняли слишком поздно.

Одно заклинание – всего одно! – и стальной эфес в его руке раскалился докрасна. От неожиданности, от боли Фай разжал ладонь, уронив оружие на землю. В следующую секунду яростный порыв ветра поднял эльфа в воздух и швырнул в ближайшее дерево.

Фай вспомнил, как вышибло дух, когда с невероятной силой он впечатался спиной в широкий сосновый ствол. Как перехватило дыхание, а в глазах потемнело.

Глупо. Идти на разведку впятером было глупо. Пытаться произвести на любимую впечатление, вступив в отряд «Несогласных», было самым дурацким решением в его жизни.

«Может, все обойдется», – Фай попытался возродить в душе надежду, но, словно в ответ на эти мысли, чужая горячая ладонь огладила его по попе.

Шок. Гнев. Омерзение.

К плечу большой мягкой грудью прижалась женщина. В ноздри ударила смесь неприятных запахов: пот и кровь. Фай попытался отстраниться, но его удержали за веревку, связавшую запястья. Рядом с ухом раздался вкрадчивый шепот:

– Если эйхарри тебя не выберет, ты достанешься мне, красавчик. И не только мне. В лагере несколько десятков женщин, оголодавших без ласки. Но тебе понравится, обещаю. Наша травница приготовит для тебя и твоих приятелей специальное зелье. Поверь, ты будешь счастлив порадовать нас своим телом. Ты будешь просить еще и еще. Умолять.

Ведьма со смешком отстранилась, и Фая наполнил чистейший ужас.

Значит, правда... Вот что его ждет в лагере эйхарри. Позор. Смерть. Потому что изнасилованный эльф все равно что мертвый.

Картинка перед глазами поплыла. Деревья, фигуры его сородичей, идущих впереди со связанными руками, – все сливалось в размытое цветное пятно. Ноги сковала свинцовая тяжесть. В голове звенел нарастающий вопль отчаяния.

Нет! Нет! Нет!

Не верю.

Это не может случиться с ним.

Он найдет способ избежать насилия.

Он...

Эллианна. Эллианна. Если он вернется домой таким... поруганным, она его примет?

* * *

Фай до последнего не верил, что с ним может случиться нечто настолько чудовищное. Даже когда в лагере эйхарри – жестокой, кровожадной драконицы – с него и других пленников начали срывать одежду. Даже когда полуголых, связанных, их поставили на колени перед военным шатром. Даже когда королева, которую в эльфийских лесах называли Чудовищем из

Сумрака, вышла из этого самого шатра наружу, пугающая, вся в черном, и принялась осматривать скованных мужчин, как лошадей на рынке.

Даже тогда он все еще надеялся: обойдется. Не верил. Не хотел верить. Не мог.

«Эллианна, Эллианна», – шептал Фай свою молитву, свое главное заклинание, ощущая, как немеют руки, стянутые за спиной веревками. Воздух холодил обнаженную грудь, маленький острый камешек впивался в колено, ладонь, которой эльф до этого сжимал раскалившийся эфес меча, горела болью. Фай чувствовал, как надуваются на ней волдыри.

Краем глаза он косился на плененных сородичей – искал поддержку в том, что не одинок в своей беде. Эвер, Огласт – оба стояли на коленях с таким царским видом, словно именно они были хозяевами положения, а не окружавшие их варвары. Прямые спины, вздернутые подбородки, презрение во взгляде.

Фай был не таким. Он дрожал – с каждой минутой все сильнее – и никак не мог остановить эту нервную трясучку. Плечи его горбились, корпус наклонялся вперед, потому что иначе удерживать равновесие в унижительной позе, в которую его поставили, не получалось. Зато длинные волосы завесой закрывали пылающее от унижения лицо.

На коленях. С голой грудью. Перед толпой людей.

А толпа ревела, выкрикивая непристойности, и эти мерзкие, вульгарные словечки летели в Фая, словно комья грязи.

– Эй, жеребец, покажешь, что у тебя между ног?

– Эльфийские подстилки!

– Сорвите с них штаны!

Фай уже ничего не соображал: от страха подташнивало, в висках грохотала кровь. Этот грохот, ритмичный стук барабанов, в которые зачем-то били солдаты, треск костров, поднимающих горящие щупальца к темному небу, крики дикарей – мужчин и женщин – создавали какофонию и взрывали его несчастный мозг.

«Эллианна, Эллианна».

Он чувствовал себя моряком, чей корабль был разрушен во время шторма. Слабым юнгой, оказавшимся посреди сердитого океана, накрывающего его с головой гигантскими волнами.

Имя возлюбленной стало светом маяка, что пробивался сквозь шторм и мрак. Спасительным обломком павшего судна, в который он вцепился немеющими руками в попытке не уйти на дно. Не удариться в панику. Сохранить рассудок.

Неужели все, что происходит сейчас, происходит на самом деле?

Повернув голову, он заметил Чудовище из Сумрака. Из-за пота, бегущего по лицу и затекающего в глаза, королева варваров казалась ему размытым темным пятном. Она приближалась, шла мимо стоящих на коленях мужчин, ненадолго задерживаясь перед каждым. Вот она остановилась перед Эвером. А вот – перед Фаем.

Шум крови в ушах достиг апогея. За грохотом собственного пульса Фай уже не слышал ничего. Ни барабанов, ни пошлого улюлюканья толпы, ни слов, что говорила ему эйхарри.

«Если королева тебя не выберет, ты достанешься мне, красавчик. И не только мне. В лагере несколько десятков женщин, оголодавших без ласки».

«Может, сделать так, чтобы она выбрала меня? – вдруг подумал Фай и тут же покраснел от стыда за свое малодушие, за эту недостойную, трусливую мысль, но прогнать ее не смог. – Лучше с одной, чем со всеми. Что, если попытаться ей понравиться?»

Он презирал себя за то, что рассуждал таким образом. Прямо-таки ненавидел! Хотел бы он быть гордым, как его боевые товарищи. Как Эвер, от которого оскорбления варваров отлетали, словно от кирпичной стены. Как Огласт, с невозмутимым видом ожидающий своей участи и никогда бы не опустившийся до мыслей, что сейчас крутились в голове Фая.

«Ты омерзителен», – сказал он сам себе, а потом, когда длинный острый коготь драконицы коснулся его подбородка, заставив приподнять лицо, попытался изобразить на губах улыбку, заинтересовать угрюмую королеву.

Это было глупо. Унизительно. И, разумеется, ничего у Фая не вышло. Уголки рта дернулись, но не в улыбке – в кривой гримасе, в выражении то ли ужаса, то ли безразличия, то ли и того, и другого одновременно.

Эйхарри его не выбрала. Она не выбрала никого. Назвала пленников худосочными уродцами и поспешила скрыться в своей палатке.

И как только полог шатра за ее спиной опустился, начался кошмар.

* * *

Фай до последнего не верил, что с ним может случиться нечто настолько чудовищное. Но, когда здоровенный бугай повалил Эвера на землю и раздался крик боли, поверил.

Он поверил!

Случится. Самое страшное, что можно вообразить. То, что обещала дикарка, шлепнувшая его по заднице по дороге в лагерь.

«Если королева тебя не выберет, ты достанешься мне, красавчик. И не только мне».

Хотелось плакать, кричать, но он пребывал в таком ужасе, что не мог ни того, ни другого – впал в оцепенение, остолбенел.

Толпа редела. Эвер сопротивлялся. К Фаю, стоящему на коленях, подошла женщина – высокая, широкоплечая, в кожаном доспехе. Она остановилась перед ним, высокая, как скала, уродливая, как гoblin, и поднесла к губам стеклянный пузырек с жидкостью.

– Выпьешь добровольно или любишь, когда грубо и жестко?

«Наша травница приготовит для тебя и твоих приятелей специальное зелье. Поверь, ты будешь счастлив порадовать нас своим телом. Ты будешь просить еще и еще. Умолять».

Фай покосился на Эвера и не увидел его за широкой спиной бугая, а потом судорожно сглотнул и позволил дикарке влить в свой рот омерзительное пойло, кислое, как сок галийского дерева.

* * *

Эта ночь, наполненная стуком барабанов и треском исполинских костров, расколола жизнь Фая надвое. То, что происходило с ним после того, как во рту разлился кислый вкус возбуждающего зелья, он воспринимал как сон, нечто нереальное, но от этого не менее жуткое – вереница лиц, мешанина размытых образов, звуки, запахи, но главное, ощущения. Боль, которую не могло заглушить слабое навязанное желание, просыпающееся в его чреслах. Из всего случившегося с ним в лагере злодейки эйхарри это было, пожалуй, худшим. Постыдное возбуждение. Принятое пойло облегчило муки, но заставило Фая захотеть собственных насильников. Вскрикивать не только от боли, но и от позорного удовольствия, а еще – плакать от отвращения к самому себе.

Женщины на нем то и дело сменялись – грубые, мужеподобные великанши, одинаково уродливые. Все люди, по мнению Фая, были омерзительными снаружи и гнилыми внутри. Он закрывал глаза, чтобы их не видеть. Если бы еще можно было их не ощущать! Не чувствовать прикосновения пальцев, зло сжимающих его мужское достоинство, жжения от царапин на груди, оставленных длинными женскими ногтями, бесконечных ударов, шлепков, укусов.

Ночь казалась бесконечной. Кошмар не заканчивался. Длился и длился. Не часы – месяцы, годы. Где-то в стороне, в двух-трех метрах от Фая, рычал, сопротивляясь насильникам, Эвер. Сам Фай лежал неподвижно, крепко зажмурившись и стиснув зубы до хруста.

Внутри своего тихого, молчаливого оцепенения он умирал, истекал кровью, корчился в агонии. Его гордость была растоптана, жизнь – кончена, на будущем поставили крест.

Как после всего, что с ним сотворили, он вернется домой и посмотрит в глаза любимой? Как прикоснется к ней этими грязными руками? К ней – чистой и непорочной. Он – осквер-

ненный и обесчещенный, более того – наслаждающийся своим насилием, как шлюха. Проклятое зелье! Но без него Фай эту ночь не пережил бы. Он и так подобрался к самому краю безумия и сейчас балансировал на этом краю, готовый в любую секунду сорваться и рухнуть вниз.

Слишком много страданий.

Слишком много унижения.

Слишком, слишком.

В какой-то момент Фай решил, что хуже быть не может, все самое страшное с ним уже случилось, но потом женщины, насытившись, ушли, и свет от костров заслонили плечистые фигуры. Они подходили все ближе, смыкая вокруг Фая кольцо, пока окончательно не отрезали его от внешнего мира – от деревьев, шумящих на краю лагеря, от рассыпанных по земле палаток, от Эвера, притихшего и больше не издающего ни звука.

Руки, сильные, грубые, вздернули его, измученного, вверх и поставили на колени, перед глазами оказался мускулистый живот с кубиками пресса. Твердые пальцы взяли пленника за подбородок.

И Фай понял, что всегда может стать хуже, чем уже есть.

* * *

Он проснулся среди ночи от крика и не сразу сообразил, что лежит в собственной кровати. Темнота обступала со всех сторон. Из мрака жадными пальцами к нему тянулись призраки прошлого. Под бешеный стук сердца Фай зажег светильник на тумбочке и нервно оглядел комнату: никого, – и с облегчением упал обратно на подушку.

Сон. Всего лишь сон.

Пустой желудок скрутило, и уже через минуту Фай склонился над умывальником, извергая из себя остатки позднего ужина. Едва успел добежать до уборной за дверью.

Тогда его тоже рвало. Под ноги своим мучителям. И каждый раз он получал оглушающие пощечины, такие, что в голове звенело, а из глаз сыпались искры.

Разогнувшись и вытерев рот, Фай посмотрел в зеркало.

– Ничего этого со мной не было, – сказал он своему отражению и поджал дрожащие губы.

«Мне всего лишь приснился кошмар», – добавил он мысленно, а потом плечи его сгорбились, руки затряслись, и по щекам побежали слезы.

– Ничего не было. Ничего не было, – упрямо твердил Фай в тишину ночи, и соленая влага собиралась в уголках его губ.

Полчаса понадобилось, чтобы взять себя в руки и загнать вереницу болезненных образов обратно в глубь подсознания.

Он дома. Дома.

Эйхарри, та самая злодейка из Сумеречных земель, помогла ему освободиться из плена и вернуться в Троелевство.

Судорожно вздохнув, Фай наклонился над чаном с водой и смыл с горящего лица слезы. Ни о каком сне больше не шло и речи. Он просто не мог заставить себя вернуться в кровать – бродил по спальне, переставлял на полке деревянные фигурки зверей, смотрел через оконное стекло на светлеющее небо. Никак не получалось поверить, что все осталось позади.

– Не было. Ничего этого не было.

Он подошел к тумбочке рядом с постелью и, воровато оглядевшись, достал из верхнего ящика надежно спрятанную под бумагами миниатюру – овальный портрет девы с огромными голубыми глазами и косами цвета спелой пшеницы. Эллианна. Этот портрет Фай давным-давно стащил из дома ее отца, когда вместе с родителями приходил к ним в гости на какой-то семейный праздник. Дурной поступок, но Фай ничего не смог с собой поделать: любоваться красотой Эллианны хотелось каждый день.

Завтра – Фай посмотрел на солнце, робко выглянувшее из-за деревьев, – вернее, уже сегодня он попросит у сурового Меливинга руки его дочери. И никто никогда не узнает его страшную тайну.

Глава 2

Чудовище из Сумрака – именно так Фай в мыслях называл жену Эвера – установила в «Воль’а’мире» свои порядки, и в целом это оказалось неплохо. По крайней мере, за один закон Фай был ей безмерно благодарен: эйхарри запретила топить опороченных эльфов в Кипящем болоте. Даже отправила в каждую из трех общин королевства по группе наблюдательниц, чтобы они следили за тем, как соблюдаются ее указы.

И дышать стало легче, ибо, сколько бы Фай ни твердил своему отражению в зеркале, что насилия не было, что увиденное во сне – всего лишь яркий ночной кошмар, а не воспоминание, правда висела над его головой заточенным топором. Если случившееся в лагере Иданны всплывет, Фай навсегда обзаведется клеймом изгоя, но хотя бы сохранит жизнь.

Впрочем, что это будет за жизнь? Без жены, без детей, постоянно под прицелом осуждающих взглядов. Он ведь даже на улицу выйти не сможет, чтобы не услышать за спиной порицающие шепотки.

Во время подобных размышлений Фай всегда возвращался к одной и той же мысли: в плен они попали впятером, троим удалось покинуть лагерь целыми и невредимыми, избежав насилия, но никто из этих счастливиц до королевства так и не добрался. Ни Олли, ни Огласт, ни Азаэль.

Похоже, Мерида солгала, сказав эйхарри, что отпустила пленников. Что, если она отвела бедняг в лес и там убила, а тела закопала или закидала еловыми ветками? А может, эльфийские воины погибли по дороге домой? Встретили на пути зверя и, безоружные, не смогли ему противостоять?

Так или иначе, ни один из троих беглецов не вернулся к семье, а значит – Фай ненавидел себя за эту мысль – свидетелей его позора не осталось в живых. Не было никого, кто мог бы вытащить уродливую правду наружу и выставить на всеобщее обозрение. Бросить ее Фаю в лицо, как кусок червивого мяса.

«Смотрите, смотрите! Он лгун. Знаете, что случилось с ним в лагере врага? Думаете, он сопротивлялся? Стонал и подмахивал. Ему нравились все те мерзости, что с ним творили. Скажи-ка, Фай, почему ты еще не на берегу Кипящего болота?»

Олли, Огласт, Азаэль мертвы, а Эвер с ним в одной лодке, так что тайне Фая ничего не угрожает.

Хотел бы он сказать, что смерть сородичей его опечалила, что он скорбит по несчастным погибшим воинам вместе со всеми, но врать самому себе – дело неблагодарное. Когда Фай узнал, что единственный из всего отряда вернулся в «Воль’а’мир», то испытал облегчение, пусть оно и было изрядно приправлено стыдом за свою невольную секундную радость.

Фай себя не оправдывал. Он просто надеялся начать жизнь с чистого листа, а не закончить свои дни на дне Кипящего болота или погребенным под толщей чужого презрения.

Сейчас, полный энтузиазма и в то же время немного нервный из-за грядущей встречи с отцом Эллианны, Фай быстро шагал по улицам «Воль’а’мира» к дому избранницы. На нем была белоснежная туника с тонким кожаным поясом. Бежевые штаны он заправил в сапоги до колен. Ветер развеивал за спиной накидку из легкой струящейся ткани. В руке Фай нес красную ленту. Если Меливинг, отец Эллианны, примет ее и завяжет на запястье дочери, помолвка будет считаться состоявшейся.

Фай ускорил шаг. Ленту он сжимал в кулаке как самое драгоценное сокровище, как собственное бешено стучащее сердце. Меливинг же не откажет? Он ведь не знает его ужасную тайну. Благодаря усилиям Эвера, вернее, его чудовищной жены, Фая здесь считали почти героем. Еще бы! С достоинством пережил плен (по легенде), сражался с дикарями, как лев (опять же по легенде), спас товарища от верной гибели, пусть тот в последствии и опорочил

себя любовной связью с врагом. Словом, женихом Фай был завидным, особенно учитывая положение его семьи в обществе. Не было никаких оснований полагать, что сегодняшний визит закончится неудачей.

«Все будет хорошо», – подумал Фай и, мысленно улыбнувшись, свернул на лесную дорогу, мощенную серо-зеленым булыжником. Широкие листья галийских деревьев отбрасывали на тропу кружевную тень. Кружевную – потому что под кроны проникали яркие солнечные лучи и отдельными пятнами света ложились под ноги идущего Фая.

Все будет хорошо. Никто ни о чем не узнает. Они с Эллианной поженятся, и голубоглазая красавица подарит ему кучу шумных, таких же прекрасных, как их мать, ребятишек. И неважно, что эльфийские семьи редко бывают многодетными. Они с любимой станут исключением из общего правила.

Поглощенный приятными мыслями, Фай не сразу обратил внимание на звучащий за деревьями смех. В любой другой день он бы тут же насторожился, ибо его народ был скуп в проявлении эмоций. Никогда женщины их расы не смеялись прилюдно, за пределами собственного дома, тем более – не опускались до столь грубого, вульгарного хохота.

В общем, взволнованный и окрыленный предстоящей встречей, угрозу Фай заметил слишком поздно. Тогда, когда неприличный гогот стих и чужие холодные руки бесцеремонно прижали его спиной к стволу дерева. Перед лицом, близко-близко, возникли глаза – странные глаза с желтой радужкой и вертикальными кошачьими зрачками.

– Привет, красавчик! – улынулась женщина.

Красавчиком его называли, когда насиловали, и это обращение безжалостно швырнуло остолебеневшего Фая в прошлое. На миг ему показалось, что он снова там, в лесном лагере, лежит на земле под очередной похотливой гоблиншей или стоит на коленях с покорно открытым ртом и острым кинжалом, прижатым к горлу.

От ужаса эльф замер, не в силах пошевелиться. Все его мышцы окаменели, мысли превратились в колючие кристаллики льда. Женщина напротив – это была одна из наблюдательниц, присланных сюда Чудовищем из Сумрака, – что-то говорила, но Фай не слышал: видел, как двигаются ее губы, но не мог разобрать ни слова, погруженный в свой личный кошмар.

Сейчас, сейчас насилие повторится. Его опять...

Он затрясся.

– Эй? Что с тобой?

Руки с его груди исчезли, и незнакомка отстранилась, глядя на Фая с недоумением.

«Я дома, – мысленно произнес эльф привычную мантру. – Я дома. Эти женщины ничего мне не сделают. Они служат эйхарри. Их отправили в «Воль'а'мир» следить за порядком. Если эта ведьма причинит мне вред, Чудовище из Сумрака будет недоволено. Оно ее накажет. Да, накажет. Успокойся. Ты в безопасности».

Снова и снова он уговаривал себя успокоиться, но страх, панический, безотчетный, не отпускал. Разумом Фай понимал, что бояться нечего, и все равно не мог стряхнуть оцепенение, сковавшее тело. Незнакомка перед ним была так похожа на его насильниц! Так похожа! Высокая, грубоватая в чертах и движениях. Манеры, одежда, взгляд – все выдавало в ней бывшую воительницу. И этот шрам, рассекающий бровь, точно был получен в бою.

– Все в порядке? – Ведьма пощелкала пальцами перед его лицом. Ее голос доносился словно из-под земли. Звуки с трудом пробивались сквозь грохот крови в висках, сквозь бешеный стук сердца в грудной клетке. – Чегой-то ты такой шуганный?

– Ты бы с ним поаккуратнее, Грид. – К дереву подошла другая женщина, рыжая, вся в веснушках, и окинула Фая долгим, изучающим взглядом. Он ненавидел, когда на него смотрели так – оценивающе, с интересом, будто представляли без одежды. Смотрели как на красавчика. «Красавчик» – Фай терпеть не мог это слово.

– Поаккуратнее? – нахмурилась та, которую называли Грид, и тряхнула косой челкой, падающей на глаз. Ее короткие волосы были черными, как воронье крыло, а единственная длинная прядь – покрашена в алый.

– Это же эльф, – объяснила рыжая, затем прижала большой палец к виску, остальные же – растопырила и покрутила ладонью в жесте, понятном даже чужеземцу. – Они все с приветом.

– С приветом? В смысле?

– Нельзя их трогать. Они от такого обращения могут кричать и падать в обмороки.

Грид прищурилась и покосилась на Фая с подозрением, будто опасаясь, что он и правда вот-вот заорет либо лишится чувств.

– Вообще что ли нельзя?

– Вообще. Не принято. Традиции такие. Дремучие. Вот ты его сейчас схватила за грудь, а завтра ушастый Владыка заявит, что несчастный обесчещен и заставит тебя на нем жениться. Ну, то есть взять в мужья. – И, видя, как вытянулось лицо собеседницы, рыжая рассмеялась.

– Да не... Сдурела? – Грид отшатнулась от Фая, спешно вытирая ладони о бедра. – Не трогала я его за грудь. За одежду – не за грудь. Как тут грудь нащупаешь под всеми этими тряпками?

– Испугалась? – продолжала глумиться рыжая. – Ты что, не изучила эльфийскую культуру, прежде чем сюда приехать?

– Вот еще. Я в этой дыре ненадолго. Максимум на месяц. Отработаю свои косяки, эйхарри остынет и разрешит мне вернуться к службе. Я – боевая ведьма, а не нянька ушастым девственникам. Здесь даже мужика не пощупать так, чтобы он от этого не хлопнулся в обморок. Не-не-не. Чур меня, чур.

И к огромному облегчению Фая, Грид потеряла к нему интерес. Вместе с другими наблюдательницами она двинулась вперед по тропе и вскоре исчезла за деревьями. Когда звук шагов стих, Фай наклонился и подобрал с земли упавшую к ногам красную помолвочную ленту.

Невероятная удача, что место было пустынным и никто из эльфов не увидел, как Фая лапают у ствола сосны. Не хватало еще прилюдно оконфузиться перед свадьбой! Он в очередной раз огляделся, чтобы убедиться: свидетелей его позора нет – и на негнущихся ногах продолжил путь.

Оставшиеся триста метров до дома любимой Фай проделал словно во сне. Его трясло, в голове звенела пустота. Уже подходя к крыльцу, Фай понял, что стискивает зубы до боли в лицевых мышцах и заставил себя расслабить челюсть.

«Я в безопасности. Своих псов Чудовище теперь держит на коротком поводке».

Десять раз повторенная мысль помогла успокоиться, но утреннее чувство окрыленности было потеряно безвозвратно. Встреча на лесной дороге выбила почву у Фая из-под ног, вернуло прежнее ощущение уязвимости.

«В безопасности. В безопасности», – повторяя про себя, Фай поднялся по лестнице и трижды ударил специальным молоточком о дверь. Та открылась почти сразу. В проходе нарисовалась величественная фигура Меливинга. Фай открыл рот, собираясь поприветствовать будущего родственника, но тут взгляд упал поверх его плеча, и дыхание перехватило, ибо за спиной эльфа на лестнице в голубом шелковом платье стояла, положив ладонь на перила, Эллианна. Она оказалась еще прекраснее, чем в его воспоминаниях. Изящная, как статуэтка, нежная, как лепесток розы.

Домой, в «Воль'а' мир», Фай вернулся две недели назад, но свою возлюбленную увидел только сейчас. О Светлолика, как же Эллианна была хороша! Эти золотистые локоны, гладкая алебастровая кожа, талия, которую можно обхватить двумя ладонями.

Как и положено целомудренной девице, Эллианна смутилась и опустила взгляд. Зачарованный ее красотой, Фай пробормотал все необходимые любезности и с разрешения хозяина переступил порог дома. Меливинг что-то говорил. Фай слушал краем уха и отвечал невпопад.

Сердце в груди колотилось, как бешеное. Вселенная сузилась до одной-единственной комнаты, до ступеньки лестницы, на которой застыла самая обворожительная дева на свете. Его любимая.

Фаю показалось, что над головой, прямо под крышей холла, засияло солнце, что все птицы в мире пробудились ото сна и принялись весело щебетать. Эллианна. Он шел к ней, будто привязанный, шаг за шагом двигался в сторону лестницы – и вдруг остановился, будто с размаху налетев на стеклянную преграду.

Сердце, что еще секунду назад громко и болезненно стучало под ребрами, екнуло и сжалось до размера пылинки, кружащейся в воздухе перед его лицом. С площадки второго этажа на Фая смотрел Огласт. Один из троих эльфов, побывавших в плену и чудом избежавших насилия. Тот, кого Фай считал погибшим. Мужчина, знающий его постыдную тайну, способный рассказать эту тайну всем.

Глава 3

В лицо будто ударили кулаком. Колени обмякли, и захотелось на что-нибудь опереться в попытке удержать равновесие.

– Фай, ты побледнел, – раздался рядом голос Меливинга. – Выглядишь так, словно увидел призрака.

Он увидел. Да, увидел. Призрака.

У лестницы, кутаясь в тень второго этажа, стоял Огласт и смотрел на Фая поверх плеча его невесты. Буравил тяжелым немигающим взглядом.

Откуда он здесь взялся? Как много знал? Что успел заметить, прежде чем советница эйхарри увела его из лагеря?

Судя по хмурому виду – достаточно.

Фай вдруг обнаружил, что так и стоит у подножия лестницы, опустив ногу на нижнюю ступеньку, и не меняет позу уже – сколько? – две-три минуты. Очаровательное смущение на лице Эллианны сменилось растерянностью, в холле повисла неловкая тишина.

А Огласт всё смотрел. Смотрел на него, не моргая. Взгляд его скользнул вниз и зацепился за красную ленту, зажатую в кулаке.

Со стыдом Фай вспомнил, что пришел делать предложение.

Он пришел делать предложение! После того как несколько десятков женщин вражеской армии надругались над его телом. Грязный, обесчещенный, явился в дом к уважаемой семье и просил руки невинной эльфийки. Знай Меливинг, что творили с Фаем той ночью у горящих костров, – не пустил бы его даже на тропинку, ведущую к крыльцу! Он бы спустил его с лестницы. Натравил бы на него собак, если бы их держал.

– Доброе утро, Фай. – Голос Огласта разорвал ватную тишину, окутавшую холл, ударил как гром. Фай вздрогнул и невольно попятился.

Знает. Видел. И теперь может погубить его одним своим словом.

«О, Светлоликая, за что мне такие мучения?! Чем я тебя прогневал?»

Под взглядом Огласта лента в его руке словно обзавелась острыми гранями и впилась в ладонь, как лезвие клинка. Фай ощутил себя преступником, мерзким, гнусным святотатцем.

– У нас праздник, – сказал Меливинг, кивнув в сторону лестницы. – Огласт вернулся. Лауриэль уже отчаялась. Собиралась покрыть голову вдовьим платком, несчастная девочка. Но как получилось, что ты добрался до королевства раньше? Вы ведь оба были в плену у Чудовища из Сумрака.

Оба. Вот только одному удалось уйти из лагеря драконицы с незапятнанной репутацией, а другого той жуткой ночью пустили по кругу.

– Я же говорил, – сказал Огласт, глядя на Фая. Из всех собравшихся в этой комнате он смотрел только на него. – Меня, Олли и Азаэля Завеса выпустила по ту сторону северных гор. Добираться сюда пришлось долго. Без оружия, без еды, без теплой одежды в крае, полном опасностей. Мы шли по колено в снегу. Как-то вечером на нас напал медведь-дуболом. Он загрыз Олли и смертельно ранил Азаэля. Я выжил чудом и только благодаря милости богини сумел вернуться к любимой жене. Думаю, Светлоликая сжалилась надо мной из-за малыша, которого ждет Лауриэль.

Двоюродная сестра Эллианны беременна? Наверное, сама не знала о своем положении, когда отпускала мужа в поход.

После короткой паузы Огласт продолжил:

– Видимо, Фая повезло больше, чем нам, и Завеса по какой-то причине выкинула его ближе к дому. Так?

От страха Фай едва дышал, поэтому нашел в себе силы только кивнуть в ответ.

Почему Огласт не торопится с разоблачением? Ждет подходящего момента? Хочет остаться с Меливингом наедине и тогда раскрыть его тайну?

В этих мыслях Фай варился до конца встречи. Остаток дня прошел словно в тумане. Фай рассеянно отвечал на вопросы и старался не смотреть в сторону Эллианны, озадаченной его странным поведением.

В гостиную подали чай, но к своей кружке Фай так и не прикоснулся: его заметно трясло, подташнивало, он не мог ни пить, ни есть – только ждал, каждую секунду ждал, когда грянет взрыв и земля под его ногами разверзнется.

Помолвочную ленту Фай затолкал в кулак, чтобы не было видно свисающих краев, и упорно игнорировал знаки, которые ему подавал Меливинг. Ну не мог он просить руки его дочери при Огласте! Фай все время ощущал на себе его взгляд. В нем эльфу чудилось предупреждение: «Не смей! Даже не думай. Ты недостойн».

И он не смел. Не смел даже поднять голову, а когда все-таки поднимал, то видел на лице любимой недоумение. Такое же – читалось в глазах ее отца.

Все понимали, зачем Фай пришел, ждали от него конкретных действий, а он... задышался. Хотелось вскочить на ноги и броситься к закрытой двери. Бежать, бежать. Далеко. На край света. Туда, где никто его не знает. Найти самую глубокую пещеру, самый темный угол и забиться в него, как мышь.

«Огласт пока молчит, но продолжит ли он молчать и дальше, если я сейчас протяну Меливингу свадебную ленту, чтобы тот завязал ее на запястье дочери?»

Предложение Фай так и не сделал, и растерянность на лице Эллианны сменилась обидой. Ее нежные губы задрожали, прекрасные глаза наполнились влагой, которая, к счастью, тут же высохла: эльфийки умели держать эмоции под контролем.

Провожая гостя до двери, Меливинг хмурился. Фай же думал только о том, что будет, когда уйдет. Какой разговор состоится между этими двоими? Развяжется ли у Огласта язык?

– Наша семья всегда тебе рада, – произнес отец Эллианны стандартную фразу при прощании. – Доброго дня и спокойного вечера.

Дверь закрылась за спиной Фая с тихим скрипом. Под ногами зашуршал гравий. Солнце клонилось к закату, и на дорогу ложился уютный золотистый свет, а в душе у Фая было черным-черно. Ему казалось, что он потерял опору и теперь падает в глубокую темную яму, летит навстречу собственной смерти.

– Подожди! – услышал Фай уже на лесной тропе и, обернувшись, увидел догоняющего его Огласта. Ветер трепал тонкую прядь волос, выбившуюся из косы эльфа. Поднимал вокруг приближающейся фигуры клубы дорожной пыли. – Стой! Нам надо поговорить.

Заметив, что Фай остановился, Огласт перешел на шаг и через несколько минут был рядом. Фай терпеливо ждал, когда он выровняет дыхание после бега и обрушит на него всю бездну своего возмущения.

О как легко осуждать упавшего в грязь, возвышаясь над ним в чистой, белой одежде. Вот только кому-то пришлось идти по скользкой, ненадежной тропе, а у кого-то дорога была прямой и безопасной.

В конце концов, это Фаю и Эверу Огласт обязан своим спасением. Это они двое приняли на себя весь удар. Как тогда сказала советница? Кто-то должен был отвлекать внимание.

Отвлекать внимание...

Жестокие и циничные слова, но все обстояло именно так. Они отвлекали внимание. Жертвовали своими телами, своей честью, здоровьем собственных душ, чтобы остальные могли покинуть лагерь незамеченными. Пока Мерида выводила Огласта из-под защитного купола, Фая и Эвера жестоко насиловали.

Волна чистой ярости захлестнула Фая, заглушив стыд. Злость на всех моралистов мира.

«Ты побывал в моей шкуре, чтобы меня обвинять? Ты знаешь, как мне было больно, страшно, мерзко? Так какое право ты имеешь смотреть с презрением и брезгливостью?»

– На моем месте мог оказаться ты, – выплюнул Фай, не сумев сдержаться. – Это мог быть ты. Легко! Просто той ночью тебе повезло больше, чем нам с Эвером. Разве это делает тебя лучше меня?

Сказал – и испугался: а вдруг Огласт ничего не видел и лишь догадывался о насилии? Что, если Мерида отвела его и других спасшихся в лес до того, как на поляне началась пьяная оргия? Может, Огласт хотел спросить о судьбе оставшихся в лагере, а Фай своими неосторожными словами себя выдал?

Нет, он знал. Все знал. По серьезному лицу Огласта пробежала тень, мышцы на скулах дернулись, он содрогнулся всем телом и зябко поежился.

– Ты прав, – Огласт отвел взгляд. – Мне просто повезло, и я не имею права осуждать тебя за то, что с тобой сделали.

Жаркий стыд вернулся и захлестнул с головой. С ужасом Фай представил, что сородич видел его покорно лежащим под насильниками, слышал его тихие стоны удовольствия. Что, если Огласт стоял где-то в стороне под деревьями и смотрел на Фая, ублажающего врагов? Невыносимо. Думать о том, что его позор видели, было невыносимо.

В глубине души Фай винил себя за то, что не сопротивлялся. За то, что сдался без боя. За свою трусливую покорность, за унижительные попытки не злить мучителей в надежде избежать лишней боли и травм. И ведь избежал! Эверу, иступлено вырывавшемуся из лап насильников и отказавшемуся пить зелье, досталось больше.

«Не было, ничего этого не было». – Сегодня заклинание не работало. Хотелось погрузить горящее лицо в ледяные воды реки, охладить пылающую кожу.

– О чем ты собираешься говорить? – Фай отвернулся, чтобы не смотреть Огласту в глаза.

– Ты знаешь, о чем, – тихо, словно испытывая неловкость, ответил тот.

Фай знал, но до последнего не мог убить в сердце глупую, нелогичную надежду на то, что все каким-то невероятным образом обойдется. Он любил Эллианну. Ради нее только и примкнул к «Несогласным». Из-за нее попал в плен и пережил ад.

– Ты хочешь, чтобы я оставил кухню твоей жены в покое.

Солнечные лучи пробивались сквозь кроны деревьев, на дорожке под ногами трепетали тени от листьев и веток.

– Сейчас потребуешь, чтобы я держался от Эллианны подальше. Считаешь меня недостойным ее внимания. — Подошвой туфли он накрыл одно из пятен света в кружеве теней. – Будешь угрожать, что расскажешь мою тайну всем, если я не послушаюсь. Если сделаю предложение Эллианне или какой-нибудь другой эльфийке. Теперь мой удел – вечное одиночество, так?

– Не так.

Изумленный, Фай вскинул голову и взглянул на собеседника с недоверием.

– Не так, – повторил тот, смущенно поведя плечом.

Некоторое время эльфы смотрели друг на друга в неловком молчании, а потом Огласт продолжил:

– Если правда выйдет наружу, пострадаешь не только ты. Прежде чем предлагать Эллианне брак, спроси, согласна ли она на такой риск – стать женой изгоя, лишиться статуса, своего положения в обществе, до конца жизни терпеть косые взгляды? Возможно, тебе удастся успешно скрывать свое прошлое. А что, если нет? Все тайное рано или поздно становится явным. Случившееся всегда будет висеть над вами угрозой. Эллианна должна знать, на что идет. Это будет честно по отношению к ней.

– Хочешь, чтобы я ей рассказал?

Он представил, как описывает любимой свои унижения, и решил, что легче умереть.

– Необязательно в подробностях. – Огласт смотрел куда угодно, но не на Фая. – Просто скажи, что...

– Меня изнасиловали.

Вот он и произнес это вслух.

Изнасиловали.

И лицо снова защипало от прилившей крови. Огласт поморщился, а Фаю захотелось провалиться сквозь землю. Не получалось говорить на эту тему без слез на глазах. Одно воспоминание – и щеки становились мокрыми. Фай поспешил отвернуться, зажмурившись и незаметно вытирая рукавом веки. Огласт притворился, что не замечает его манипуляций.

Как? Как он найдет в себе силы открыть Эллианне правду? Сказать любимой девушке, что его раздели, напоили возбуждающим зельем и заставили ублажать похотливую толпу? Что он совокуплялся самым мерзким, противоестественным способом. Что до сих пор чувствовал себя грязным, сколько бы раз ни принимал ванну. Вернувшись в Троелевство, Фай чуть кожу с себя не содрал мочалкой. Тер и тер – грудь, бедра, ягодицы – до красноты, до боли. Ему казалось, что пальцы варваров оставили на его теле несмываемые следы, что он весь в пятнах, что в кожу намертво вьелся запах чужих интимных соков. Иногда ночью он вскакивал с кровати и бежал в уборную: его рвало. Иногда он просыпался и плакал в постели, крепко закусив край подушки. А сколько раз его будили кошмары?

Дрожащими губами Фай шептал своему отражению в зеркале, что не виноват, но в глубине души сомневался в собственной мужественности. После всего случившегося мог ли он считать себя мужчиной? Будет ли считать его мужчиной Эллианна, если узнает правду? Согласится ли поцеловать? А разделить с ним постель? Или ей станет противно?

– Я... нет. – Фай замотал головой. – Нет, нет. Не могу.

– Ты должен, – настаивал Огласт.

– Ничего я не должен! Представь, что это был ты. Что все это сделали с тобой. Ты бы рассказал жене?

Огласт вздрогнул, но быстро взял себя в руки.

– Да, – он решительно вздернул подбородок. – Рассказал бы. И она бы меня приняла. Потому что любит.

Фай обхватил руками дрожащие плечи.

– Я не виноват.

– Не виноват, – согласился Огласт.

– Никто такого не заслуживает.

– Никто.

– Почему я просто не могу забыть обо всем, притвориться, будто этого не было?

– Потому что Эллианна должна решить, хочет ли всю жизнь провести в страхе. Достаточно ли сильно тебя любит, чтобы рискнуть.

Фай не мог, просто не мог.

– Нет.

Огласт тяжело вздохнул.

– Тогда забудь о ней. Позволь ей связать судьбу с нормальным мужчиной.

Нормальным...

– Или? – спросил он, зажмурившись.

– Или мне придется рассказать обо всем Меливингу.

Глава 4

Домой Фай не пошел – устроился на земле под деревом. Улочки «Воль’а’мира» утопали в зелени, разделенные широкими участками леса, так что найти укромный уголок не составляло труда. Проводив взглядом удаляющегося Огласта, Фай рухнул на тропинку прямо там, где стоял, – не смог удержаться на ногах. Он просидел на обочине добрых минут двадцать, ошеломленный случившимся и абсолютно раздавленный, а затем, услышав звуки шагов, отправился на поиски более уединенного места.

Он шел, с трудом передвигая негнувшиеся ноги и слепо уставившись вперед, не в силах осмыслить то, как одно-единственное событие взяло и перечеркнуло его будущее. Проклятый Огласт дал ему выбор словно вложил в руки нож, которым обязал себя ударить. Какое бы решение Фай ни принял, это могло нанести ему смертельную рану. Вечное одиночество или безумный риск превратиться в изгоя? Отказ от мечты стать отцом или унижительная исповедь?

Хотел бы Фай надеяться, что Эллианна его поймет, но если Огласт прожил с женой много лет и был в ней уверен, то Фай со своей невестой даже ни разу не оставался наедине. Какие тут откровенные разговоры, когда они едва друг друга знали – общались исключительно через голубиную почту или в присутствии родственников Эллианны? Эльфийские традиции не запрещали влюбленным проводить время вместе без того, чтобы кто-то держал над ними свечку, но молодые девицы их расы слишком боялись испортить репутацию, поэтому сами создали для себя этот строгий закон. Не давать повода для сплетен – главный девиз девушек на выданье.

Если подумать, Фай знал о будущей невесте только то, что она невероятно прекрасна, из хорошей, уважаемой семьи и любит играть на арфе. Но на арфе играли почти все эльфийки, а плохих и презираемых семей в Троелевстве не было: они давно покоились на дне Кипящего болота.

Со вздохом Фай попытался вспомнить их с Эллианной переписку и понял, что разговоры в ней касались в основном погоды и чего-то столь же незначительного. Он вспомнил, что ему нравился ровный изящный почерк любимой, а еще – аромат жасмина, исходящий от тонких бумажных листов. Нравилось, как эти листы хрустели под его пальцами, когда он разворачивал послание. То чувство предвкушения при виде голубя, сидящего на карнизе по другую сторону оконного стекла.

Фай даже мысли не допускал, что влюбился в придуманный образ. За свою прежнюю жизнь он цеплялся с отчаянием утопающего, ибо мир за пределами Троелевства представлялся ему грубым и уродливым, люди – жестокими и неотесанными. Он не осуждал Эвера, выбравшего себе в спутницы жизни жуткую женщину и оставшегося с ней в не менее жутком крае, но сам хотел жениться только на эльфийке, завести правильных остроухих детишек и воспитать их в традициях своего народа, пусть эти традиции ему и претили.

Сейчас Фай сидел в тени раскидистого дерева и размышлял, готов ли рискнуть своим шатким положением в обществе ради мечты, и все больше склонялся к тому, что выбора нет. Единственный способ остаться в «Воль’а’мире» и завести семью – открыть Эллианне правду. Как это сделать и не сгореть от стыда, Фай не представлял.

«Знаешь, Эллианна, в плену меня изнасиловали».

Как он это скажет? Как заставит себя произнести такое вслух?

Неожиданно сверху, из густой кроны галийского дерева, на колени Фая спланировал белый носовой платок. Откуда он здесь взялся? Инстинктивно Фай задрал голову и едва не закричал, увидев среди листьев женщину. Она сидела на толстой ветке прямо над ним и улыбалась во все тридцать два белоснежных зуба. В тени древесной кроны мягко мерцали желтые глаза с вытянутыми зрачками.

Память любезно подсказала имя – Грид. Это была Грид. Невоспитанная дикарка, напавшая на него утром.

Растерянный Фай покрутил платок в руках и спросил себя, случайно его уронила Грид или намеренно.

– Я знаю, что означает этот жест, – ответила она на его невысказанную мысль и улыбнулась еще задорнее.

От изумления у Фая вытянулось лицо.

Знает? Да эта женщина ненормальная! Или плохо разбирается в эльфийских традициях.

Он поднялся на ноги, опустил платок на землю и быстро зашагал прочь от дерева и сидящей на нем сумасшедшей. И вскоре услышал над головой треск и шелест: Грид следовала за ним по пятам, ловко перепрыгивая с ветки на ветку.

– Что тебе от меня надо? – остановился Фай, скрестив руки на груди.

– Я же бросила платок, – донеслось сверху, из пышной зеленой кроны.

Раздраженно фыркнув, эльф пошел дальше.

– Эй, да что не так-то? – прилетело в спину.

Фай молчал, сердито печатая шаг по мощеной лесной тропинке. Судя по звукам, Грид спустилась с дерева и теперь пыталась его догнать уже по земле.

– Да постой ты! Как же с вами, эльфами, тяжело!

Она поравнялась с ним, а затем и вовсе перегородила дорогу, но Фай не останавливался, так что наглой дикарке приходилось двигаться спиной вперед.

– Ты случайно уронил на землю мой платок, – сказала она, демонстрируя непрошибаемое упрямство.

– Я уронил его специально, – процедил Фай сквозь зубы, встревоженный и раздраженный.

– Ничего, у меня есть второй, – отозвалась эта ненормальная и как ни в чем не бывало действительно протянула ему еще один носовой платок, точную копию первого.

Фай посмотрел на квадратик ткани в ее руке и поджал губы. Он никогда не позволял себе грубить соплеменникам, но эта женщина бесила его ужасно, к тому же была чужестранкой, поэтому Фай решил не церемониться.

– Я не принял твой платок. Хватит меня преследовать.

– Ой, да брось! Не надо стесняться. – Дикарка потрясла проклятой тряпкой перед его лицом. Совершенно бесцеремонная женщина! – Я знаю, что ты хочешь. Возьми.

– Да не хочу я!

– Нет, хочешь.

– Не хочу!

– Бери, говорят. Такая удача, может быть, только раз в жизни и выпадает.

У Фая просто не нашлось слов. Прикрыв глаза, он протяжно выдохнул и мысленно воззвал к Светлоликой: «О, милосердная богиня, дай мне терпения!»

Откуда бы несносная дикарка ни узнала об этой эльфийской традиции, она определенно поняла ее неверно.

– Ты делаешь все неправильно, – сказал Фай, устало потерев лоб.

Ведьма напротив нахмурилась и – хвала Светлоликой! – перестала тыкать ему в нос своей тряпкой.

Решив быть терпеливым, Фай снизошел до объяснений.

– Если мужчине понравилась дева, он кладет рядом с ней цветок пуари. В случае взаимной симпатии в ответ эльфийка роняет к ногам избранника платок. В таком порядке, а не...

– Фай неопределенно взмахнул ладонью. – Инициатива всегда исходит от мужчины. Сначала цветок, потом – платок.

Улыбка, распутившаяся на лице навязчивой дикарки, ему не понравилась. Похоже, из всей его речи Грид услышала только то, что ей было выгодно.

– Не волнуйся, – она зачем-то полезла за пазуху. – Я уже вручила себе цветок за тебя. – И Грид извлекла на свет белый бутон соали, так называемого «Скорбного растения», которое традиционно использовали во время погребальных обрядов.

У Фая задергалось нижнее веко.

– Это не тот цветок, – вздохнул он, закатив глаза.

– Как не тот? – удивилась Грид, покрутив бутон перед своим лицом. – По описанию тот. Широкие белые лепестки, желтая сердцевина...

– Этот цветок кладут в руки усопшим, перед тем как отправить их в последний путь по реке Вечности.

– Оу. – Скривившись, ведьма поспешила выкинуть бутон в траву на обочине и брезгливо вытерла пальцы о бедра. – Ошиблась немножко.

В ответ на чужое невежество Фай покачал головой, прикрыв лицо ладонью.

– Ты хотя бы знаешь, что это за ритуал?

– Ритуал ухаживания, – с готовностью ответила Грид. – Так женщина у вас дает понять, что мужчина ей нравится и она готова с ним встречаться.

– Мы не встречаемся.

– Не встречаетесь?

– Нет.

Похоже, слова Фая поставили дикарку в тупик. Некоторое время она задумчиво чесала подбородок, затем перевела на эльфа растерянный взгляд и спросила:

– Тогда что все это значит – цветок, платок и прочее?

– Первый этап помолвки. – Не без злорадства Фай наблюдал за тем, как все шире распахиваются глаза надоедливой колдуньи. Судя по испуганному выражению лица, та явно не горела желанием набиваться ему в невесты.

– Помолвки? – с сомнением уточнила Грид и быстренько запихнула злополучный платок в карман.

Полный мрачного удовлетворения, Фай добавил:

– Мужчина выражает готовность жениться на выбранной деве, та дает согласие на то, чтобы он пришел к ее отцу за благословением.

Покраснев, Грид кашлянула в кулак.

– Кхе-кхе... я рассчитывала на несколько другое. Впрочем, мое предложение остается в силе.

Фай не понимал эту женщину. Она заставляла его мозг кипеть и изнутри давить на стенки черепа.

– Какое еще предложение? – Он тоскливо взглянул в сторону просвета между деревьями и пожалел о том, что вообще затеял этот разговор. Надо было уйти раньше. Не останавливаться. Даже рот не открывать.

– Ну... – протянула Грид и вдруг кокетливо ему подмигнула, – предложение, лежащее в горизонтальной плоскости.

Фай непонимающе поднял брови.

– Ваши эльфийки очень чопорные. Ходят так, будто проглотили палку, и на мужчин даже не смотрят.

– Женщины нашей расы – образец добродетели.

– Да, я об этом и говорю – зануды. Я понимаю, как вам, бедняжкам, тяжело. Строгая культура обязывает эльфиек выходить замуж непорочными, а вы страдаете. Никто вам не дает, несчастным, до свадьбы. А я дам. Тебе – дам. Говорю же, хватай свой шанс, везунчик. Сегодня ты вытащил счастливый билет.

Что за чушь несла эта дикарка? Точно ненормальная!

– Что дашь? – не понял Фай и завис, глядя на то, как Грид зачем-то усиленно двигает бровями. – Что дашь? —повторил он.

– Опыта набраться дам, глупенький, – засмеялась ведьма.

– Какого опыта?

– Постельного.

И тут смысл ее слов наконец дошел до Фая.

Постель.

Проклятая дикарка предлагала ему постель! Да за кого она его принимала?!

От возмущения у Фая пропал дар речь. Красный, дрожащий от бешенства, он набрал полную грудь воздуха, чтобы высказать наглой девице все, что о ней думает, но вдруг обмяк, как спущенный парус.

Почему из всех эльфов в «Воль’а’мире» она подошла со своим неприличным предложением именно к нему? Что, если Грид знает о случившемся в лагере и решила: павшему терять нечего, такой готов пуститься во все тяжкие – нормальные-то отношения ему не светят? Или... Или она ни о чем не подозревает, но после насилия появилось во внешности Фая нечто такое, что заставляет окружающих считать его доступным? Какая-то скрытая порочность? В мимике, в жестах, во взгляде. Неужели пережитый кошмар его изменил, и теперь любой наблюдательный человек может догадаться: он уже был с женщиной?

– Почему... – Сгорбившись, Фай утаивался себе под ноги. – Почему ты решила, что я соглашусь? Что лягу с тобой в постель?

– Молодому здоровому мужчине трудно хранить целибат.

– Но ты выбрала меня. Я что, выгляжу как-то иначе? Более... – Фая сглотнул застрявший в горле комок, – распущенным?

Ответа он ждал как приговор – опустив голову, не в силах оторвать взгляда от мощной дорожки с пробивающимися между камнями травинками.

– Да нет, ты не выглядишь распущенным. Никто из ваших распущенным не выглядит. Даже наоборот. А выбрала я тебя, потому что ты красавчик.

Опять это слово! Фай дернулся, сжав кулаки.

– Не называй меня так!

– Как так? Красавчиком? Но ты и правда красавчик. Все эльфы невероятно хороши, но ты, – впервые за разговор Грид по-настоящему засмушалась, – особенный.

– Я. Не. Особенный! – свирепо процедил Фай и двинулся вперед по тропинке, все больше и больше ускоряя шаг. – И. Не. Красавчик! Не смей меня так называть! Никогда! Слышишь?

Глава 5

«Смотри-ка, старается».

Дрожащими пальцами Фай достал из потайного ящика в шкафу бутылку с прозрачной жидкостью – русалочьим вином, налил его в стакан, частично расплескав на столешницу, и осушил этот стакан залпом, чтобы унять звучащий в голове глумливый гогот.

«Конечно, старается. Он же не хочет, чтобы его смазливую мордашку порезали ножом».

«А может, ему просто нравится. А, красавчик? Тебе нравится?»

Руки тряслись. Горькое пойло текло мимо рта – по уголкам губ, по подбородку – и капало на грудь, оставляя влажные пятна на застегнутой по горло тунике.

– Не было, ничего этого не было. Это было не со мной.

Фай снова потянулся к бутылке. Спиртное эльфы употребляли несколько раз в год – по религиозным праздникам и не больше одной маленькой рюмки за вечер. Фай же сейчас пил из стакана для воды. Сорокоградусную настойку, которую продававшие ее русалки отчего-то называли вином, хотя виноградом там и не пахло.

Как бы ему хотелось стереть себе память. Иногда – до такой степени, что ради этого Фай готов был размозжить череп о стену. Чтобы не думать. Не вспоминать. Не слышать в голове тот омерзительный смех, грязные, пошлые фразы.

Красавчик. Они называли его красавчиком. Когда наматывали на кулак его длинные, растрепавшиеся волосы. Когда опрокидывали на спину, чтобы оседлать бедра. Когда ставили на колени.

Они все называли его красавчиком.

Один за другим Фай осушил два стакана русалочьего вина, самого крепкого в Троелевстве, и почувствовал себя пьяным. Прежде он не пил так много, но сегодняшняя встреча расковыряла в душе едва зажившую рану.

Колени обмякли, перед глазами поплыло, и тугой узел в груди наконец разжался.

Красавчик.

Трус.

Шлюха.

Фай боялся боли. Боялся того, что с ним могли сделать в случае неповиновения. Боялся умереть, стать калеккой, лишиться своей привлекательной внешности. И да, он старался. Старался, черт возьми! И ненавидел себя за это! Особенно сейчас, когда страх перед увечьями поблек, а залатать растоптанную гордость не получалось.

«Молодец, вот так».

«Я сделаю все, что хотите, только не бейте. Уберите нож от моего горла. Не надо резать мое лицо. Я буду послушным, только вы аккуратно, ладно?»

Мерзко. Невыносимо. Как вырвать это из своей памяти? Как себя простить?

Но ведь храбрец Эвер тоже под конец сдался. Если давить слишком долго, сломать можно любого.

У каждого свои страхи и свой предел прочности.

Думая об этом – о том, что даже Эвер оказался не железным, – Фай испытывал облегчение.

Со стыдом он вспоминал, как снова и снова с фанатичным упорством говорил Эверу гадости, обвинял в недостойном поведении, когда тот спутался с Чудовищем из Сумрака и начал позволять ей всякие непотребства: целовался и обнимался до брака, разрешал себя трогать, прикасался в ответ.

Фай знал, что заставляло его тогда сыпать упреками в сторону распустившегося товарища. Боль. Невыносимая душевная боль. Обвиняя Эвера в разврате, он пытался возвыситься в

собственных глазах, доказать самому себе, что после насилия, всех этих «Я сделаю, что хотите, только не бейте», «Молодец, стараешься», он по-прежнему достойный, порядочный член эльфийского общества, а не какая-то шлюха.

За свое морализаторство Фаю было стыдно. Сейчас. Тогда – нет. Тогда ему до безумия, до смерти, до горячих слез из глаз надо было как-то убедить себя в том, что он не последнее ничтожество.

В окно постучали, и стакан выпал из дрожащих рук Фая, с грохотом усеяв пол гостиной осколками. На карнизе за стеклом сидел знакомый белоснежный голубь. К его лапке была прикреплена записка.

Сердце подскочило в груди и заколотилось как бешенное. Эллианна! Эллианна отправила ему послание!

Осколки разбитого стакана захрустели под ногами. В два шага Фай пересек комнату и распахнул окно.

* * *

Письмо Эллианны было пронизано нежностью, любовью и искренним беспокойством за жениха, так что пропасть, разверзшаяся под ногами Фая, начала постепенно сужаться. Прочитав послание трижды, он почувствовал, что снова может дышать и твердо стоять на земле, и с благодарным вздохом прижал записку к груди.

Эллианна, его милая Эллианна. Зря он в ней сомневался.

Во время помолвки Фай поступил некрасиво – сбежал, ничего не объяснив, но она не обиделась, как сделала бы на ее месте любая уважающая себя эльфийка, не отвернулась от жениха в оскорбленном молчании – написала Фаю письмо, в котором попыталась выяснить причину его странного поведения. Чуткая, добрая Эллианна догадалась: что-то случилось и любимый нуждается в ее поддержке.

Более того, она предложила Фаю встречу. Подумать только, встречу! Гордые, боявшиеся общественного осуждения эльфийки старались не оставаться с мужчинами наедине – даже с собственными женихами, а Эллианна готова была рискнуть репутацией ради откровенного разговора. Разговора, который не предназначен для чужих ушей. Понимала: не будет Фай изливать душу при посторонних или в голубиной переписке.

Пьяный дурман рассеялся. Светлый образ Эллианны прогнал прочь призраков прошлого, и комната будто наполнилась солнечным сиянием.

«Я расскажу ей все», – решил Фай и кивнул сам себе, а затем принялся собирать с пола осколки.

Любимая его поймет, примет. Как же мерзко с его стороны было пытаться утаить от нее правду! Семейная жизнь не должна начинаться с обмана.

* * *

Было около десяти вечера, когда Фай надел свой лучший костюм и особым образом уложил волосы, чтобы выглядеть привлекательнее. Город за окном уже погрузился во мрак. Далекие дома, разбросанные между деревьями, напоминали огоньки в темноте. Эльфы зажигали в комнатах свет. По краям дорожек мерцали подвешенные к древесным сучьям фонари, и с каждой минутой улицы становились все более пустынными – отличное время для тайной встречи.

Фай нервничал. Сколько бы он ни вытирал ладони платком, руки оставались неприятно влажными. На лбу то и дело проступала испарина. Фай постоянно тянулся ослабить ворот туники, пока не обнаружил, что неприлично оголил горло, а воздуха все равно не хватает. Не получалось дышать полной грудью.

Насыщенный событиями день казался бесконечным. С того момента, как Фай проснулся в своей постели от кошмара, прошло меньше суток, а по ощущениям – неделя. И усталость накопилась соответствующая. Вымотанный, весь на нервах, Фай едва держался на ногах, но надеялся, что сегодняшняя встреча принесет ему облегчение.

Идя по дороге к лесу, он то и дело тревожно оглядывался, хотя ничего предосудительного в ночных прогулках эльфы не видели, пусть и предпочитали с наступлением темноты закрываться в своих домах. Но Фай ведь не просто гулял. Он шел к любимой, которая, если верить письму, ждала его в половине одиннадцатого возле старого, заброшенного храма Свергнутой богини.

Всю дорогу Фай мысленно прокручивал заготовленную речь, думал, как признается невесте в своем позоре, но стоило заметить рядом с развалинами храма знакомую тонкую фигуру, и все слова вылетели у него из головы. Он растерялся, онемел, подавился воздухом и закашлялся. В ночной тишине пустынного леса звук кашля получился слишком громким, пугающим, и одинокая фигура в тени деревьев вздрогнула, заозиравшись.

На Эллианне было черное платье и мантия с капюшоном, под которым она прятала свои приметные золотистые волосы. Стоял разгар лета, но Эллианна дрожала. Впрочем, то, вероятно, была дрожь волнения, а не холода.

Фай вдруг подумал о том, что они впервые видятся наедине, и обстановка показалась ему невероятно интимной. Вдвоем, в темноте ночи, спрятанные от строгих, осуждающих взглядов. Он понял, насколько Эллианна рисковала, предлагая эту встречу, и восхитился ее храбростью. Его переполнили благодарность и любовь, нежность и отчаянное желание быть откровенным.

Он решил, что если расскажет Эллианне правду, то его раны начнут наконец затягиваться. Тогда, в плену, невеста стала его маяком во мраке, и сейчас Фай тоже видел в ней свое спасение. Как же он устал держать все в себе, нести этот неподъемный груз в одиночку.

– Эллианна. – Фай шагнул вперед, навстречу любимой.

Каждый звук в лесном безмолвии казался оглушительным – имя, произнесенное вслух, шелест травы под ногами, треск сухих веток, ломающихся под подошвами туфель.

Где-то в темноте ухнул филин. Эллианна вздрогнула и снова огляделась вокруг. Боялась наткнуться на невольного свидетеля, но все равно пришла увидеться с Фаем, а значит, любила, значит, он мог ей доверять.

Какое облегчение! Внезапно Фай осознал, что остро нуждается в том, чтобы излить кому-либо душу. Что слова, полные горечи и боли, так и рвутся наружу неудержимым потоком. Что он больше не в силах хранить свою тайну и что признаться будет легко, ибо признание уже вертится на кончике языка.

Возьми часть моей боли, умоляю. Один я не справлюсь, не удержу на плечах такую тяжесть.

– Что случилось? – зашептала Эллианна, подходя к жениху, Впрочем, не слишком близко, сохраняя между ними дистанцию, которую требовали рамки приличия. – Тогда, у нас дома, ты выглядел бледным и нездоровым. В этом дело? Ты ушел так поспешно, потому что почувствовал себя плохо?

– Да, Эллианна, да. Я чувствую себя плохо, очень плохо.

Никогда прежде они не говорили столь откровенно. На лице Эллианны лежали кружевные тени от веток деревьев, в глазах читалось неподдельное волнение. Поколебавшись, любимая протянула руку и нежно сжала его ладонь – вольность, на которую до свадьбы не решилась бы ни одна эльфийка.

– Я знаю, что ты был в плену. Тебя ранили? Ты подорвал там здоровье? Скажи мне. Обещаю, мы со всем справимся. Вместе.

Вместе...

Горячие слезы собрались в уголках его глаз. Это были именно те слова, которых он ждал и на которые надеялся.

Вместе.

Глубоко вздохнув, Фай рассказал ей все. Даже то, что не собирался. С трудом сдерживая рыдания, он говорил и говорил, и никак не мог заставить себя замолчать.

Глава 6

Когда поток слов, рвущийся из его рта, иссяк, Фай замер и в испуге уставился на невесту. О, богиня, что он натворил! Зачем обрушил всю уродливую правду о себе на голову чистой, невинной девушки?

На него будто нашло затмение. Он словно выпал из реальности, временно потеряв рассудок, но вот сознание прояснилось, и от содеянного Фая охватил ужас.

И с каждой секундой этот ужас усиливался, ибо Эллианна, замершая напротив него, молчала. Ее голубые глаза были распахнуты, нежные розовые губы – приоткрыты. Свет луны пробивался сквозь кроны деревьев и падал на ее лицо, пылающее краской смущения. После откровений жениха Эллианна стояла вся красная. И молчала. Молчала! Смотрела на Фая в шоке и не произносила ни слова.

Никогда еще тишина не казалась ему такой тяжелой, действующей на нервы. Она убивала, сводила с ума – настоящая пытка! Секундное облегчение, которое Фай испытал, излив душу, сменилось сожалениями. Он вспомнил, какими стыдными, омерзительными подробностями делился во время своего безумного приступа откровенности, и стал не менее красным, чем Эллианна.

– Скажи что-нибудь, – хрипло попросил он, поняв, что не выдержит больше ни секунды молчания.

Его невеста шумно сглотнула и... сделала два шага назад.

– Я... – Эллианна загребла пальцами ткань мантии на груди и сжала в кулаке. – Я думала, – она снова попятилась, – думала, что тебя... пытали. Что у тебя под одеждой страшные шрамы, магические ожоги. Что ты их стесняешься и поэтому... – Не договорив, она опустила взгляд.

После плена у Фая на теле действительно остались шрамы, но это было мелочью по сравнению с кровоточащими ранами в душе. О своих изъязнах он даже не думал, только изредка удивлялся, что усиленная эльфийская регенерация с ними не справилась. Да и немного у Фая их было, этих шрамов. Он ведь... старался.

Тишина снова разверзлась между ним и Эллианной, как пропасть. Невыносимая, давящая. Последними словами Фай ругал себя за несдержанность. Не надо было ничего говорить! Но ведь она сама попросила. Сказала: «Вместе. Мы справимся со всем вместе».

– Эллианна, – Фай потянулся к любимой, но та отшатнулась от него с такой поспешностью, что наступила на подол платья и едва не упала. Во взгляде, брошенном на его руку, Фаю почудилась брезгливость. Эллианна словно боялась, что своим прикосновением он ее запачкает.

Ошибся! О Светоликая, он ошибся! Ни одна эльфийка, какой бы доброй и сострадающей ни была, не примет оскверненного мужчину. Все, что Фай так опрометчиво вывалил на невесту, оказалось для нее слишком.

– Теперь я тебе противен? – Вопрос вырвался прежде, чем Фай успел прикусить язык. Он не хотел знать правду. Был не уверен, что сможет ее вынести.

– Я... – Эллианна подняла голову, и, к своему облегчению, в ее глазах Фай не заметил ни презрения, ни упрека. – Не знаю, что и думать. Я не ожидала... такого. Мысли разбегаются. Все это надо... переварить.

– Но ты не отказываешься от меня? Не осуждаешь? Не считаешь, что после всего случившегося мое место в Кипящем болоте?

– Нет! Конечно же, нет! – замотала головой Эллианна, но, когда Фай снова попытался к ней приблизиться, отступила назад, в тень храмовых развалин.

– Я решил, что ты должна знать, с кем собираешься связать судьбу. С моей стороны утаить правду было бы подло. – Фай жадно всматривался в лицо невесты – искал и боялся найти в ее глазах отвращение, но видел только растерянность и шок. Эллианна казалась ошеломленной. Любая на ее месте от таких признаний впала бы в ступор. Главное, она не сыпала обвинениями, не смотрела на Фая, как на гадкое насекомое, и не кричала, чтобы он, грязный и испорченный, больше не смел к ней приближаться.

«Ей просто нужно время, чтобы все осмыслить, оправиться от потрясения», – успокоил себя Фай, решив, что тот безгневный взгляд, брошенный на его протянутую руку, ему почудился.

– Я могу прийти к твоему отцу с лентой? – спросил он, зная, что торопится, но не в силах ничего с собой поделаться. Ему отчаянно надо было убедиться в том, что прошлое не встало между ним и Эллианой стеной. Убедиться в этом прямо сейчас, пока ожидание и неизвестность не свели его с ума.

– С лентой? – нахмурилась Эллианна, а потом, видимо, поняла, что Фай имеет в виду официальную помолвку, и выражение ее лица стало затравленным. – Д-да, н-наверное.

– Завтра?

– Н-не знаю, м-может.

– Вечером или утром?

– Потом. Потом договоримся.

Она нервно запахнула на груди мантию, и тут лесную тишину нарушил треск сломавшейся ветки. Резкий, пронзительный звук донесся из мрака за стволами деревьев.

– Что это? – испуганно дернулась Эллианна и развернулась в ту сторону, откуда раздался шум. – Мне надо идти. Никто не должен видеть нас вместе. Прости, я пойду. – И бросив на Фая последний короткий взгляд, она быстро зашагала по тропинке, уводящей ее от жениха все дальше и дальше.

Сначала за деревьями исчезла ее хрупкая фигура в широкой мантии, надетой, чтобы скрыть личность, затем растаял цокот каблучков по камням дорожки, и Фай остался в одиночестве и тишине. Опустошенный своей исповедью, он все пытался понять, обнадежила его встреча с любимой или разочаровала. В конце концов он смог убедить себя в том, что между ним и Эллианной ничего не изменилось. Он отчаянно хотел в это верить. И поверил. А возвращаясь домой, даже ощутил секундную вспышку радости – возможно, в нем заговорил выпитый накануне стакан русалочьего вина.

Именно в этот момент на выходе из леса Фай случайно – случайно ли? – столкнулся с Грид.

Она спрыгнула на обочину тропинки откуда-то сверху, из тени разлапистой кроны галийского дерева, и пошла по дороге рядом с Фаем как ни в чем не бывало. Словно считала это в порядке вещей – внезапно выныривать из мрака, пугая случайных прохожих до смерти.

К своему стыду, от неожиданности Фай едва не заверещал, будто нежная, охваченная страхом девица, но вовремя стиснул зубы. Грид буквальным образом свалилась на него с неба, и ошарашенный ее появлением Фай остановился посреди тропинки как вкопанный.

– Ты что, следишь за мной? – разозлился он, а потом задохнулся от ужаса, ибо вспомнил хруст сломанной ветки, прервавший их разговор с Эллианной у развалин храма.

Что, если Грид и правда следила за ним, бесшумно передвигаясь по сучьям деревьев? Что, если она подслушала его скандальное признание?

Вспыхнув от унижения, Фай внимательно всмотрелся в лицо дикарки – что ей известно? – но Грид выглядела такой же беззаботной, как и утром. Она широко зевнула, в последнюю секунду прикрыв рукой рот, и в целом казалась сонной и потрепанной, словно ночевала на дереве. В ее коротких волосах запутались листья. Косая челка алого цвета стояла

торчком. Грид безуспешно старалась придать ей нормальный вид, даже поплевала на ладонь в попытке пригладить.

Нет, дикарка ничего не видела и не слышала, иначе вела бы себя по-другому.

– Не слежу я за тобой, расслабься. – Грид размяла шею, позволив окружающим наслаждаться хрустом ее позвонков. – Просто отдыхала, а ты разбудил меня своим оглушительным топотом.

– Отдыхала? На дереве?

– А что тут удивительного? – сверкнула она необычными желтыми глазами. – Мы, оборотни, тянемся к природе.

Фай настороженно прищурился и снова взгляделся в ее лицо, считывая эмоции. Знает? Не знает? Слышала? Не слышала? В ответ Грид удивленно вскинула брови.

– Ты чегой-то так на меня смотришь? Будто хочешь взять в руки нож и покопаться в моих внутренностях.

Убедившись, что его опасения напрасны, Фай вздохнул с облегчением и двинулся в сторону аккуратных домиков с горящими окнами.

– Спокойной ночи, – бросил он оставшейся позади Грид. Не пожелание – намек.

Намек, как выяснилось, назойливая дикарка не понимала, ибо увязалась за ним.

– Слушай, – протянула она, пристроившись рядом с Фаем и раздражая его своей близостью. – Я хотела извиниться. Ну, за красавчика.

Услышав ненавистное слово, Фай поморщился. Он шел все быстрее, ускорял и ускорял шаг в попытке оторваться от преследовательницы, но та была до жути настойчивой.

– В общем, ты это, прости меня за то, что я назвала тебя красавчиком. Ты не красавчик, честно. Вот совсем нет. Ни капли. Вообще урод. Так лучше? Я просто запуталась в ваших эльфийских традициях. Быть симпатичным плохо? Я слышала в племени оборотней-козлов культ уродства. У вас так же? Вы как оборотни-козлы?

От тархтения Грид у Фая разболелась голова. Он наконец добрался до своего дома и остановился рядом с крыльцом, как бы давая понять, что ведьме-прилипале пора отправляться восвояси.

Но проклятая дикарка продолжала самозабвенно болтать:

– У нас, например, ценится красота, потому что красивых людей немного. А у вас, наверное, наоборот, чем страшнее, тем лучше? О, это твой дом? Пригласишь меня к себе?

То, что во время общения с Грид у Фая начинался нервный тик, похоже, стало традицией.

– Ты знаешь, который сейчас час? – процедил эльф. – Что за женщина напрашивается в гости к мужчине ночью?

– Ты просто так уродлив, что я не могу устоять, – шепнула Грид с придыханием, явно перепутав Фая с оборотнем-козлом и пытаясь сделать ему комплимент.

Веко задергалось с такой силой, что Фай неосознанно накрыл глаз ладонью.

Грид его бесила. Грубая, вульгарная, она была не чета его нежной, утонченной невесте, знающей все о хороших манерах. Милая, заботливая Эллианна приняла Фая со всеми недостатками и постыдным прошлым, а он сейчас компрометировал себя тем, что разговаривал с посторонней девицей. Поздней ночью. Наедине. Кто угодно мог увидеть их из окна соседнего дома и пустить сплетню.

– Послушай, – Фай решил быть резким и не щадить чужих чувств. – Ты мне не нравишься. Абсолютно. Я не нахожу тебя привлекательной. Совсем.

– Ой, да брось. – К его удивлению, Грид не выглядела обиженной. – Здесь просто плохое освещение. Ты посмотри на меня при дневном свете, а лучше – в полумраке спальни. Если я разденусь, ты онемеешь от восхищения. Зуб даю.

У Фая запылало лицо. Как можно говорить такие вещи мужчине? Они ведь даже не помолвлены.

– Знаешь, я рада, что мы встретились, – продолжила Грид, не замечая его возмущения. – Час назад мне пришло письмо от эйхарри. Через несколько дней я уезжаю и подумала... Может, ты захочешь провести ночь вместе? Обещаю, что никому не скажу. Никто не узнает. Это останется нашей тайной.

Тайной...

У Фая уже была одна тайна.

Он закрыл глаза и медленно выдохнул, пытаясь унять поднявшийся в груди гнев. Почему все эти развратные дикарки стремятся затащить его в койку? Именно его! Медом он что ли намазан?

– Уйди, просто уйди, – прошипел он сквозь стиснутые зубы.

Вы только представьте! Предложила ему переспать! Собиралась провести с ним ночь, а потом уехать, словно он был шлюхой на один раз! Хотела использовать и выкинуть, как все те омерзительные гоблинши, что его насиловали.

– Хватит меня преследовать. У меня есть невеста. Красивая, добрая, светлая. Ты ей в подметки не годишься. Оставь меня в покое. – Возмущенный до глубины души, Фай сердито поднялся по ступенькам крыльца и захлопнул за собой дверь.

Глава 7

Ночь прошла спокойно, без кошмаров, и это был лучший подарок за всю неделю: Фай как следует выспался и утром чувствовал себя отдохнувшим.

Завтракая сыром и салатными листьями, он вспоминал разговор с Эллианной, и с каждой минутой его настроение стремительно ползло вверх. Любимая его не отвергала. Просто взяла время, чтобы прийти в себя после оглушительной новости, и с ее стороны это была абсолютно нормальная и естественная реакция. Сейчас Эллианна все обдумает, оправится от первого шока и пошлет Фаю письмо с приглашением в гости.

Куда, кстати, подевалась его красная помолвочная лента? Кажется, Фай потерял ее в лесу, когда к нему пристала эта некультурная дикарка.

Вспоминая, как нагрубил Грид, он ощущал легкие угрызения совести. Нет ничего благородного в том, чтобы обидеть женщину, пусть даже та упорно испытывает твоё терпение на прочность. Впрочем, мучиться чувством вины из-за человеческой дикарки Фай не собирался и с легкостью освободил голову для других, более приятных мыслей.

Эллианна. Вскоре они поженятся и заведут детей. О, богиня, как же он хотел поддержать на руках собственного ребенка!

Во второй половине дня Фая навестили родители. Встреча с отцом всегда была для него стрессом, а теперь – особенно, ведь появилась тайна, которую следовало тщательно скрывать, а скрыть что-то от проницательного взгляда Леола Пилигримма было непросто. Окружающих тот, казалось, видел насквозь.

Наверное, поэтому последние две недели Фай избегал встречи с родителями – из-за страха, что отец заподозрит неладное. В глубине души он боялся, что Леол посмотрит на сына и с первого же взгляда поймет, что творили с ним в плену. Увидит грязь, осевшую на его душе и теле.

Отношения с родителями у Фая не ладились. Особенно напряженными они стали после загадочной смерти Элари, его любимой младшей сестренки. Мать замкнулась в себе, завернулась в свое горе, как в саван, и вот уже который год выглядела так, будто заживо легла в могилу. Отец же сделался еще более требовательным. Он и раньше был строг, даже суров, но смерть дочери его ожесточила.

Оба родителя словно забыли, что у них остался сын, пусть взрослый, самостоятельный, но по-прежнему нуждающийся в их любви, поддержке и одобрении.

О, как же он в них нуждался! Безумно!

С самого детства Фай отчаянно боялся разочаровать отца и все время ему казалось, что родительских ожиданий он не оправдывает. Теперь, после плена, Фай оставил всякую надежду завоевать уважение Леола. Все, о чем он мечтал сейчас, – чтобы отец никогда не узнал правду. Фай примкнул к «Несогласным», чтобы стать героем, а вместо этого опозорил свой род.

– Ты уже сделал предложение Эллианне? – спросил отец, едва переступив порог дома. Уж очень ему хотелось породниться с семьей старого приятеля.

Мать с привычным выражением равнодушия на лице вручила Фаю крошечную корзинку с лесными ягодами. Это была древняя эльфийская традиция. В гости никогда не приходили с пустыми руками, а чтобы не попасть с подарком впросак, использовали специальную декоративную корзинку, которая помещалась на ладони. В нее насыпали ягоды или сладости.

– На днях я отправлюсь к уважаемому Меливингу, чтобы просить руки его дочери. – Фай заварил родителям чай и сел напротив них за маленький круглый столик.

– А разве ты не собирался к нему вчера?

Чашка в руке Фая дрогнула, и горячий напиток едва не выплеснулся на колени. Волна ледяной дрожи пробежала по спине, потому что Фай понял: отец знает о его недавнем визите и неудачной попытке заключить помолвку. Меливинг все ему рассказал.

В комнате повисло напряженное молчание. Под отцовским взглядом Фай низко опустил голову и поерзал в кресле. Он не знал, что ответить.

Пока Леол взглядом прожигал в нем дыру, мать сидела, погруженная в свои мысли, и отрешенно вертела чашку чая в руках.

– Посмотри на меня, – приказал отец.

Фай поднял лицо, уговаривая себя не паниковать. Ему казалось, что Леол обладает даром телепатии, что он без труда вскроет его черепную коробку и все постыдные тайны откроются ему как на ладони.

– Мы так и не обсудили то, что происходило с тобой в плену.

Фай вздрогнул. На миг ему почудилось, что мир с треском раскололся пополам. А потом он и правда услышал треск, вернее, стук дверного молоточка.

– Ты кого-то ждешь? – нахмурился отец.

Фай помотал головой. После вопроса, ударившего его наотмашь, он просто не мог выдавить из себя ни слова.

В дверь продолжали стучать, с каждой минутой все настойчивее, и Фай поднялся из кресла, чтобы впустить незваных гостей.

На пороге стоял, пряча взгляд, Огласт, а по обе стороны от него – двое незнакомых эльфов в серых мантиях с капюшонами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.